

А. Буллер

ВОПРОСЫ ГЕРОДОТА

Данная статья содержит основные тезисы моего выступления на XIV Астаховских чтениях и имеет характер, скорее, научного очерка, в котором развитие историко-теоретической мысли анализируется в самом широком временном диапазоне и в самых различных взаимосвязях. Однако в центре внимания стоят здесь всё-таки «геродотовские вопросы» о том, «кто» и «для чего» пишет историю. Вопросы Геродота ставились историками в самые различные эпохи и в самых различных взаимосвязях. Они не утратили своей актуальности и для нас.

Ключевые слова: теория и дидактика истории, нарратив, следы прошлого, медиальная философия.

В данном случае нет необходимости напоминать о том, что *систематические* попытки теоретической рефлексии о научной дисциплине «история» начались в XVIII столетии и начались они именно в Германии. До XVIII столетия имелись лишь отдельные высказывания о роли и функции исторического знания. Одно из самых древних и известных высказываний по этому поводу принадлежит древнегреческому историку Геродоту (V в. до н.э.), который свою знаменитую «Историю» начинает следующими словами:

«Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния, как эллинов, так и варваров не остались в безвестности...». [1, с. 21].

Таким образом Геродот уже в самом начале своей знаменитой работы даёт ответ на два важных вопроса: «кто» и «для чего» пишет историю?

Своими вопросами Геродот дал толчок теоретической рефлексии об истории, заставив, следующих ему по времени, авторов обратить внимание на тот факт, что любая история создаётся «кем-то» и для «чего-то».

«Вопросы Геродота» помогли историку осознать, что любая история не является «безличностным» конструктом, а она есть «продукт»

отдельного, находящегося в определённом времени и конкретном пространстве, исторического автора.

«Вопросы Геродота» позволили историку также понять, что не только историческое событие имеет свои временные и пространственные координаты, но что свои временные и пространственные координаты имеет также исторический автор («кто» пишет эту историю? – Геродот из Галикарнаса).

Благодаря Геродоту, мы стали осознавать, что координаты исторического события и координаты историка находятся в одной и той же взаимосвязи, образуя собой специфическую *временную* структуру, в рамках которой и рождаются любые исторические интерпретации конкретной эпохи.

Более того, поставив вопросы о том, «кто» и «для чего» пишет историю, Геродот таким образом выделил в историческом познавательном акте два его главных момента – *субъективный* и *объективный* момент.

Ведь в вопросе «кто пишет историю?» заключена целая масса самых различных *субъективных* элементов. История пишется отдельными людьми и любой, пишущий историю, человек является неповторимым индивидуумом. Т. е. написание истории есть процесс *субъективный*.

Но Геродот указывает и на *объективную* сторону процесса познания прошлого, которая проявляет себя в вопросе о том, «для чего люди пишут историю?». И в этом «для чего» сконцентрированы *объективные* элементы исторического познавательного акта, потому что любой историк, в каких бы условиях он свою историю не писал, пишет её для того,

«чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния... не остались в неизвестности».

То есть, написание истории для Геродота не является чисто *субъективным* актом, а есть процесс, который преследует *общие* или даже *вечные* цели. Ведь все историки, как правило, стремятся выделить самое важное в истории, описать прошлое достоверно, не дав ему бесследно исчезнуть в пучине времени. В одном предложении Геродота о том, «кто» и «для чего» пишет историю, скрывается целая масса мыслей и идей.

К большому сожалению «Вопросы Геродота» на долгое время оказалась в забвении. Лишь в XVIII столетии к вопросу о том, «кто» пишет историю, опять обратился немецкий теолог и историк Йоганн

Мартин Хладениус (Johann Martin Chladenius или Chladni), который ввёл в историческую науку важное для неё понятие «Sehpunkt» «пункта наблюдения» прошлого или «точки зрения».

Любой «пункт наблюдения» прошлого предполагает наличие исторического наблюдателя, без которого нет и не может быть «пункта наблюдения». Поставив вопрос о «пункте наблюдения» прошлого, Хладениус тем самым вернулся к теме о том, «кто» пишет историю.

Интересно, что причину дифференций во взглядах на прошлое Хладениус видит не в *объектах* прошлого, а в тех многочисленных *субъектах* настоящего, которые описывают *своё* прошлое с самых различных «точек зрения». Прошлое принципиально не позволяет описать себя с одного и того же «пункта наблюдения», был убеждён Хладениус, которому и в голову не могло прийти, что описание прошлого лишь с одного – идеологически определённого – «пункта наблюдения» станет в будущем возможным, что нам убедительно продемонстрировали тоталитарные режимы XX столетия, которые интерпретировали прошлое из одной «перспективы», создав настоящие «памятники исторического догматизма» вроде «Краткого курса истории ВКП(б)». Но, к счастью, пункты наблюдения прошлого движутся во времени! Также наш современный «пункт наблюдения» прошлого, который мы, возможно, считаем самым полным и совершенным, в действительности таковым не является.

Хладениус, который хорошо осознавал подвижность «пунктов наблюдения» прошлого, недостаточно, однако, учитывал роль и влияние социальных или общественных факторов на процессы реконструкции прошлого. Именно эти факторы оказались, и это благодаря прежде всего Карлу Марксу (Karl Marx), в центре внимания теории истории XIX столетия.

Маркс был первым, кто в индивидуальном человеке увидел «общественный продукт». Его теория оказала самое мощное влияние на развитие социальных наук. Так что даже самые далёкие от марксизма теоретики истории, как, например, Йохан Густав Дройзен (J. G. Droysen) придерживались в этом вопросе близкой ему точки зрения. Дройзен, как и Маркс, видел в отдельном историке «продукт» своего времени и своего общества:

«мы, приступая к исследованию истории менее всего ведём себя беспристрастно (непредвзято), потому что привносим с собой целую массу, как прагматических, так и методологических предпосылок.

Мы все, как в целом, так и по отдельности, являемся историческим результатом, который определяют воспитание, образование, привычки и предрассудки, а также неизмеримое богатство собственных представлений и мнений»¹ [2, с. 7].

Заслуга Дройзена заключается в том, что он ввёл в научный оборот принцип «исторического понимания». Дройзен исходил из того, что историк, чтобы *познать* прошлое, должен стремиться *понять* его. В принципе *понимания* он видит важный «инструмент» исторического *познания*. Но тут снова возникают вопросы – «кто» и «кого» стремится понять в истории? И «для чего» нужно это понимание? «Геродотовские вопросы» являются здесь нам в совершенно неожиданном ракурсе, а именно ракурсе XIX столетия.

Для современной немецкой теории истории принцип понимания, к сожалению, утратил своё значение, став для неё в какой-то мере даже подозрительным. Здесь свою роль, конечно, сыграл негативный опыт нацистского прошлого. Ведь «понимание» может привести и к «оправданию» преступных действий прошлого, считают некоторые из немецких теоретиков истории. Но здесь всё-таки необходимо им возразить. Ведь понимание не означает автоматически «одобрения». Речь здесь идёт о «первоначальном» понимании, которое является основой как акта «понимания», так и «непонимания». Прежде чем человек будет что-то «не понимать», ему необходимо вначале уже что-то и понимать: Говоря человеку, «я тебя совершенно не понимаю», мы уже прекрасно осознали тот факт, что в действиях этого человека нет никакой логики. Мы только потому этого человека не понимаем, что мы его практически «поняли». И, не имея этого первоначального (не)понимания, мы не могли бы ничего сказать об этом человеке. По этой причине я не стал бы с такой решимостью откидывать в сторону категорию «(не)понимания», как это делают немецкие теоретики истории. Однако какова сегодня ситуация в Германии с теорией истории?

¹ «Beginnen wir damit einzusehen, daß wir an die Geschichte herantretend uns weniger als unbefangen verhalten, daß wir sofort eine Menge von Voraussetzungen mit heranbringen, sowohl sachlichen wie methodischen, wie wir denn selbst, jeder einzelne, recht eigentlich ein historisches Ergebnis, durch Erziehung, Bildung, Gewohnheit, Vorurteil mit einer unermäßlichen Fülle von Vorstellungen bestimmt sind».

Современная теория истории

Надо сказать, что в современной историко-теоретической дискуссии, по меньшей мере в Германии, ключевую роль играют вовсе не теоретики, а дидактики истории. Ситуация с теорией истории изменилась в Германии, по моему мнению, не в лучшую сторону. Немецкие университеты в настоящее время, к сожалению, практически не имеют кафедр по теории истории (исключением является кафедра теории истории университета Гёттинген). На смену кафедрам теории истории пришли кафедры дидактики истории.

Причины подобного поворота «от теории к дидактике истории» носят вполне прагматичный характер: исторические факультеты «производят» преимущественно учителей истории. Последние нуждаются, прежде всего, в дидактике истории, которая за последние десятилетия, надо сказать, существенно изменила свой характер.

Если ещё в 1970-х гг. дидактика истории в Германии выполняла преимущественно роль *практической* дисциплины, которая была ответственна за развитие и совершенствование методов преподавания истории, то современная дидактика не является одной лишь *практической* наукой, но является, без всякого сомнения, и *фундаментально-теоретической* дисциплиной. Потому что современная дидактика истории взяла на себя те функции, которые ранее выполняла одна лишь теория истории. Современные дидактики истории рефлектируют как о проблемах исторического познания, так и исторического сознания, они обращаются как к теме исторической памяти, так и к проблематике исторического нарратива. Последняя играет особую роль в современной дидактической рефлексии и даже является её центральным пунктом.

Дидактики истории обсуждают формы «нарративной презентации прошлого» и анализируют характер нарративных структур. Но в ходе всей этой «нарративной дискуссии» куда-то пропал, по крайней мере затерялся и исчез из глаз *материальный* элемент. Озабоченные историки постепенно начинают задумываться о том, какое отношение эти нарративные структуры имеют к *реальному* или *материальному* прошлому? В последнее время, как считает немецкий теоретик истории Стефан Хаас (Stefan Haas), мы наблюдаем и обратную тенденцию, суть которой заключается в стремлении *(ре)материализовать* прошлое, вернуть ему материальную базу:

«История долгое время считалась эмпирической наукой о действительности, которая исследует осязаемые реальности прошлой

жизни. Однако с наступлением Cultural Turn в 1990 г. внимание историков переместилось с исследования 'предполагаемых' реальностей на изучение культурно-символических интерпретационных структур, которые и делают возможной презентацию этих реальностей...

Действительность теперь стала восприниматься историками не как 'реально существующая', а как, презентующий себя в символах и текстах, культурно оформленный человеческий конструкт... Внимание историков настолько радикально переместилось с исследования тех факторов, которые определяют развитие исторической действительности, на те, которые делают возможным появление исторических конструкций, что с 1990 г. в Scientific Community всё чаще стал ставиться вопрос о том, а существует ли за нарративными конструкциями реальность как таковая – реальность, которая могла бы, независимо от её символической презентации, определять развитие исторического процесса?...»¹ [3, с.7].

Ответ на вопрос о том, существует ли за нарративными конструкциями действительность как таковая, могут нам дать одни только «следы прошлого». Прошлое презентует себя в *материальных* и *реальных* «следах». Любые интерпретации прошлого являются, прежде всего, интерпретациями его следов. Мы имеем полное право утверждать, что без «следов прошлого» не было бы здесь и самого прошлого.

Следы, таким образом, в состоянии (*ре*)материализовать историческую действительность, т.е. подвести под историю *реальную* базу. Следы являются важным *легитимирующим* элементом исторического познавательного акта. По этой причине я и занялся исследованием понятия «след», опубликовав на эту тему свои книги как на русском, так и немецком² языках.

Центральная идея, которую я презентую в своих работах, заключается в том, что, «далеко не любой след прошлого может стать для историка источником, но любой источник является для него, без сомнения, следом прошлого» [4, с. 15].

Уже по одной этой причине историк, по моему убеждению, должен заняться основательным анализом понятия «след». Но как ни странно, к основательному анализу понятия «след прошлого» обратились вовсе не историки, для которых это понятие является фундаментальной категорией, а медиальные философы. Именно последние стали

¹ Это мой довольно свободный перевод текста с немецкого оригинала.

² См.: Buller, Andreas. Theorie und Geschichte des Spurbegriffes. Entschlüsselung eines rätselhaften Phänomens. Marburg, Verlag «Tectum» 2016.

анализировать, рефлексировать и изучать феномен «следа прошлого», в котором они увидели не просто «остаток», а «инструмент» познания прошлого. Здесь необходимо сказать несколько слов о медиальной философии.

Медиальная философия как современная теория исторического познания

Описать предмет и метод медиальной философии – довольно непростая задача, потому что сама медиальная философия пока точно не определилась с вопросом о предмете своих исследований. А нам это сделать ещё сложнее.

С полной уверенностью, однако, можно утверждать, что медиальная философия не есть лишь наука о *средствах массовой информации*, таких, например, как радио, телевидение, пресса, книги или интернет, а медиальная философия является наукой, которая исследует самые различные, в том числе и исторические, формы человеческой коммуникации.

Медиальная философия обращается ко всем средствам человеческой коммуникации – жест, слово, знак, звук и изображение, которые в их совокупности являются *интерсубъективными* средствами познания мира. В эту сферу интересубъективных средств человеческой коммуникации входят, разумеется, и письменность, и алфавит, и книгопечатание, которые, надо сказать, кардинальным образом изменили характер исторической коммуникации. Понятие «исторического источника» возникло вместе с письменностью, т. е. с развитием медиальной сферы. Исторический источник является сам по себе определённым видом «медиа», т.е. средством коммуникации и обмена информации, а также медиальным средством познания мира.

Но можно ли говорить о «коммуникации» в исторической области? Разве может *настоящее* коммуницировать с *прошлым*? Настоящее, без всякого сомнения, может коммуницировать и с прошлым. Хотя «историческая коммуникация» является экстремально односторонним видом коммуникации, в котором «получатель» информации не в состоянии задать вопросы её «отправителю», но тем не менее она *является* одним из видов коммуникации. Ведь также историки принимают и читают «сигналы», но только лишь «сигналы прошлого». Такими «сигналами» для историка являются его исторические источники, которые выполняют коммуникативные функции. К исследованию этих функций

и обратились медиальные философы. Я особо хотел бы здесь выделить берлинского философа Сибилле Кремер (Sybille Krämer), которая в своей статье «Что такое след и в чём заключается его эпистемологическая роль?» описала самые главные атрибуты этого понятия.

В результате своего анализа Кремер пришла к выводу, что след есть не только «средство» и «инструмент» процесса исторического познания, но он сам по себе есть «продукт» или же «результат» человеческого мыслительного акта (нем. «Spur ist nicht das (Erkenntnis-)Werkzeug, sondern das Denkzeug») [5, с.15-19]. Ведь ничто не является нам автоматически как «след», а становится таковым в нашем сознании. «Следы рождаются в глазах исторического наблюдателя», по праву утверждает Кремер.

На этот момент, однако, указывал ещё в XIX веке Дройзен, заметивший, что исторические следы могут находиться рядом с нами и тем не менее оставаться нераспознанными и неузнанными. Следы лишь тогда становятся для кого-то «следами», если их «кто-то» воспринимает и «для чего-то» использует. Но тут мы опять возвращаемся к геродотовским вопросам о том, «кто» и «для чего» пишет историю или же – «кто» и «для чего» *читает следы прошлого?* «Вопросы Геродота» не устарели и не канули в небытие, а они продолжают интересовать также современного исторического (ис)следователя, который, однако, задаёт эти вопросы уже с перспективы своего XXI столетия. И можно быть уверенным, что пока человек будет писать свою историю, он будет постоянно задавать себе вопрос – для «кого» и «чего» я её пишу?

1. *Геродот*. История в девяти книгах / пер. с греч. и комм. Г. А. Стратановского ; вступ. статья И. Е. Сурикова. – Москва, 2004. – 640 с.
2. *Droysen J. G. Historik*. Hg. v. Leyh, Peter. – Stuttgart 1977. – 394 с.
3. *Haas Stefan*. Die Wirklichkeit der Geschichte. Wissenschaftstheoretische, mediale und lebensweltliche Aspekte eines (post-)konstruktivistischen Wirklichkeitsbegriffes in den Kulturwissenschaften. Hg. v. Stefan Haas und Clemens Wischermann. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. – 222 s.
4. *Буллер Андреас*. Три лекции о понятии след. – СПб, 2016. – 128 с.
5. *Krämer Sybille*. Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle? In: Spur. Spurenlesen als Orientierungstechnik und Wissenskunst. Hg. v. Krämer, S. Kogge, W. Grube, – Frankfurt am Main, 2007. – 366 s.

Buller A. Die Fragen von Herodot

Der vorliegende Artikel beschreibt meine auf der XIV. Astachov-Konferenz der Universität Charkow vorgetragene These. Im Mittelpunkt dieser These stehen die zwei „Fragen von Herodot“ nach dem „Wer“ und „Wozu“ der Geschichtsschreibung. Herodot war der erste, der über die Fragen, „wer“ schreibt Geschichte und „wozu“ Geschichte geschrieben wird, reflektiert hat. Diese zwei Fragen von Herodot wurden später von den Historikern immer wieder gestellt und auch unterschiedlich beantwortet. Jede Epoche suchte ihre eigenen Antworten auf diese zwei Fragen von Herodot. Auch unsere Epoche versucht ihre Antworten auf diese Fragen zu geben.

Stichwörter: Theorie und Didaktik der Geschichte, Narrativ, Medienphilosophie, Spurbegriff.

Буллер А. Питання Геродота

Ця стаття містить основні тези моєї доповіді на XIV Астаховських читаннях та має характер, скоріше, наукового нариса, у якому розвиток історико-теоретичної думки аналізується у якнайширшому часовому діапазоні та в різних взаємозв'язках. Проте у центрі уваги стоять тут все ж таки «городотівські питання» про те, «хто» та «для чого» пише історію. Питання Геродота ставилися істориками різних часів та у різних взаємозв'язках. Вони не втратили своєї актуальності і для нас.

Ключові слова: теорія та дидактика історії, наратив, сліди минулого, медіальна філософія.